

DOI: 10.47026/2712-9454-2024-5-3-69-81

УДК 94(47)297 "1905"
ББК 63.(2)6-36

И.К. ЗАГИДУЛЛИН

**ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ МУСУЛЬМАНСКИХ ДУХОВНЫХ ЛИЦ
МЕНЗЕЛИНСКОГО УЕЗДА УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(по материалам прошений 1905 года)**

***Ключевые слова:** Мензелинский уезд, Первая русская революция, петиционная кампания 1905 г., мусульманские духовные лица, религиозные права, гражданские права мусульман, корпоративные интересы.*

Актуальность изучения общественного сознания и социальной активности татарских мусульманских духовных лиц в начале XX в. обусловлена ростом интереса к проблемам социального служения современного поколения духовенства как осознанного синтеза форм общественной деятельности религиозных институтов.

Целью исследования является изучение общественного сознания татарского мусульманского приходского духовенства Мензелинского уезда Уфимской губернии по текстам петиций.

Материалы и методы. Методологической основой изучения предмета являются принципы историзма и метод источниковедческого синтеза. По результатам анализа опубликованных и архивных источников, а также имеющейся литературы по заявленной теме в статье отражены социальное поведение и коллективное мнение татарского мусульманского приходского духовенства о собственных нуждах и злободневных местных и общественных проблемах мусульман начала XX в.

Источниковой базой исследования являются опубликованные источники – законодательные акты Российского государства конца 1904 г. – первой половины 1905 г. и архивные источники – прошения мусульман Мензелинского уезда Уфимской губернии. Научная новизна исследования заключается в использовании текстов прошений, исходящих от сельских обществ и татарских мусульманских духовных лиц, для характеристики общественного сознания данной корпоративной группы татарского населения в начале XX в.

Результаты исследования. В статье выделяются законодательные акты Российского государства, оказавшие влияние на общественное настроение татарского приходского духовенства, установлены два этапа в его социальном поведении: март – июнь 1905 г. – участие в организации подачи прошений по образцовому тексту (дается краткая характеристика различным формам проявления социальной активности); конец апреля и май 1905 г. – период составления муллами собственных коллективных прошений. В статье рассматриваются два прошения сельских мусульманских духовных лиц Мензелинского уезда Уфимской губернии, составленные в мае и июне 1905 г. Анализируются состав и расселение 81 участника собрания духовенства, по итогам которого было подписано второе из указанных прошений. По содержанию и тематике просьбы сельского духовенства структурируются по трем группам: корпоративно-сословные интересы, повышение статуса институтов религиозно-культурной автономии под руководством Оренбургского магометанского духовного собрания, вопросы гражданского равноправия. Характерной чертой обоих прошений является презентация корпоративных интересов в качестве «нужд» всего мусульманского сообщества. О повышении собственного юридического статуса просители рассуждали, рассматривая в качестве ориентира сословные привилегии православного духовенства.

Выводы. *Прошения мулл Мензелинского уезда Уфимской губернии были направлены на расширение религиозно-культурной автономии мусульманского сообщества округа Волго-Уральского региона и Западной Сибири, и в этом плане их просьбы перекликаются с большинством прошений, составленных единоверцами других губерний и областей. Петиции подтверждают доминирование факторов объединения над факторами внутреннего расслоения мулл-традиционалистов и мулл-джадидистов. Такой мотивацией для них являлись назревшая необходимость укрепления религиозно-культурной автономии мусульман и возможность повышения собственного юридико-правового статуса. Следующим общим моментом прошений следует назвать «комплексный подход» – восприятие приходского духовенства, Оренбургского магометанского духовного собрания и оренбургского муфтия как частей единого организма, института. Духовенство видело себя важным звеном религиозно-административной системы во главе с Духовным собранием и настаивало на сосредоточении всех духовно-религиозных вопросов, в том числе мектебов и медресе, в его компетенции. Не ограничиваясь корпоративными интересами, муллы также ставили перед правительством местные и общемиллетские проблемы.*

Введение. Актуальность изучения общественного сознания и социальной активности татарских мусульманских духовных лиц в начале XX в. обусловлена ростом интереса к проблемам социального служения современного поколения духовенства как особого синтеза форм общественной деятельности религиозных институтов.

Целью исследования является изучение общественного сознания татарского мусульманского приходского духовенства Мензелинского уезда Уфимской губернии по текстам петиций.

Материалы и методы. Основными методологическими принципами исследования являются принципы историзма, объективности и системности, а также исторические методы: сравнительно-исторический и источниковедческий синтез.

Источниковой базой исследования являются опубликованные источники – законодательные акты Российского государства конца 1904 г. – первой половины 1905 г. и архивные источники – прошения мусульман Мензелинского уезда Уфимской губернии. Оригиналы этих документов, адресованные председателю Комитета министров С.Ю. Витте, хранятся в фонде Департамента духовных дел иностранных исповеданий Российского государственного исторического архива.

Научная новизна исследования заключается в использовании текстов прошений, исходящих от сельских обществ и татарских мусульманских духовных лиц, для характеристики общественного сознания данной корпоративной группы татарского населения в начале XX в.

Результаты исследования. Мусульманские духовные лица являлись интеллектуальной элитой, в руках которой были сосредоточены вопросы организации религиозно-обрядовой жизни, духовного образования и нравственного воспитания единоверцев. На рубеже XIX – начала XX в. повсеместно существовали династии и кланы духовенства, скрепленные кровными узами. В поддержании родственных и корпоративных отношений большую роль играло общение во время свадеб и других важных событий в семье, а также на базарах и ярмарках, куда духовные лица систематически выезжали. С началом Русской революции 1905–1907 гг. медресы мулл постепенно превращались в неофициальные собрания по обсуждению общественных проблем единоверцев и политических событий в стране.

На социальное поведение и активность духовенства, как и других групп элит мусульман, безусловно, повлияли законодательные инициативы самодержавия, направленные на установление диалога с различными сословными,

социальными, профессиональными и этноконфессиональными группами населения страны.

Большое воодушевление среди мусульман вызвал указ «О предназначениях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 г., в котором российский государь заявил о предстоящих системных реформах в важнейших общественных областях жизнедеятельности населения и органов власти. В частности, основным правилом во взаимоотношениях власти с населением должно было стать одинаковое исполнение «всеми подданными законов, соблюдение законности властью и наказание должностных лиц за нарушение законов» (п. 1). С целью соблюдения изложенных в «Основных законах Российской империи» гарантий религиозных прав российских подданных, было заявлено о намерении пересмотреть законы «о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к усмотрению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения» (п. 6).

Последующие законодательные новшества воспринимались российским обществом как начало реализации заявленных системных реформ.

Так, именной указ от 18 февраля 1905 г. впервые предоставил российским подданным, «крадеющим об общей пользе и нуждах государственных», «частным лицам и учреждениям» возможность подавать петиции на имя императора [6. С. 133]. Рассмотрение поступающих на его имя от частных лиц и учреждений проектов и предложений «по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния», возлагалось на Совет министров. Иными словами, указ предусматривал непременно принятие по поступившим петициям решения на правительственном уровне.

Закон от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» впервые в истории России объявил о праве подданных перехода из одной конфессии в другую, в том числе из православия в ислам, продемонстрировав демократические установки правительства. В нем также содержался конкретный план действий власти на ближайшую перспективу по решению некоторых аспектов «мусульманского вопроса» в империи. В частности, учреждаемому Особому совещанию о веротерпимости, призванному по итогам изучения поступивших петиций составлять «справедливые» законопроекты и представлять их на высочайшее утверждение, предписывалось разработать определенные в журналах Комитета министров от 22 апреля и 1 марта 1905 г. и имеющие отношение к мусульманам следующие вопросы: 1) о сооружении «молитвенных домов иноверных исповеданий»; 2) о порядке избрания и назначения должностных лиц мусульманского духовенства – приходских и высших; 3) об освобождении от призыва на действительную военную службу «из запаса» некоторых лиц мусульманского духовенства; 4) о порядке открытия мусульманских школ – мектебов и медресе; 5) об учреждении особых духовных управлений для казахов областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской, а также для мусульманских общин на Северном Кавказе, в Ставропольской губернии, Туркестанском крае и Закаспийской области; 6) о возможности дозволения воспитывать подкидышаемых детей в религии принявших их на воспитание иноверных семей [4. С. 14].

Закон от 17 апреля 1905 г. широко освещался в российской периодической печати и демонстрировал серьезность и необратимый характер декларированных российским правительством реформ в сфере государственно-исламских отношений. Полагаем, что именно данный законодательный акт стал «отправной

точной» для публичного выражения собственного мнения осторожных в действиях представителей сельского мусульманского духовенства.

В целом, петиционная кампания по подаче прошений в высшие инстанции (императору и председателю Комитета министров) в Мензелинском уезде Уфимской губернии происходила с 22 марта по 15 июня 1905 г., ее сроки нами определены по датам составления поступивших в столицу ходатайств. Всего из Мензелинского уезда поступило более 100 прошений, пик подачи которых пришелся на апрель и май.

Большинство текстов оформлялись в установленном порядке: к прошению прикреплялся общественный приговор старших домохозяев поселения, которые на сельском сходе принимали решение о подаче прошения, как правило, поручая его доверенным лицам, а сельский староста удостоверял постановление прикладыванием печати.

Духовные лица не являлись членами сельского общества, по этой причине их участие в сельском сходе не требовалось. Однако не вызывает сомнения, что к подаче петиции по религиозным вопросам они имели непосредственное отношение.

Их организаторские качества зафиксированы в некоторых прошениях. Так, 30 апреля 1905 г. мулла дер. Карашай-Сокловской Нуркеевской волости Газзалаей Зиганшин Ардуганов [7. С. 194–195] и мулла д. Сюлюковой Шайхузуди Муслухудинов [7. С. 211–212] подписали от имени единоверцев своих деревень печатные прошения, адресованные императору. На следующий день, 1 мая, чтобы придать легитимность тексту, жители д. Карашай-Сокловской составили в установленном порядке общественный приговор о подаче петиции императору, который подписали также 2 муллы и муадзин [7. С. 196–197об.]. Аналогичное действие совершило и сельское общество д. Сулюкова [7. С. 213–214]. Очевидно, муллы сами инициировали подачу прошений от имени местных сельских обществ.

Такая же ситуация выявляется при сопоставлении дат составления прошения и общественного приговора мусульман Деуковского общества Кузкеевской волости. 14 мая 1905 г. в прошении за всех и за себя расписались Мухаметзян Сайфуллин и имам Мухамед Шариф Абдулнасихов [7. С. 69–69об.], а общественный приговор о его подаче был составлен на следующий день, 15 мая, когда на сельском сходе был оглашен текст ходатайства [7. С. 70–71об.].

Во время подачи петиций большинство сельских обществ воспользовалось текстом адресованного императору образцового прошения, содержащего следующие просьбы.

1. Сосредоточить исключительно в Оренбургском магометанском духовном собрании (ОМДС) все административные дела по избранию мулл, образованию приходов, постройке мечетей, молитвенных домов и назначению в них духовных лиц, «а также все дела по образованию магометан».

2. Освободить мулл от отбывания воинской повинности, как не соответствующей их положению в обществе.

3. «...муфтием должно быть лицо, получившее образование в духе Корана и других священных книг магометан, вполне знающее сущность религии и ее исторических проявлений, набожное, благочестивое и вообще удовлетворяющее условиям, необходимым для занятия места высшего духовного лица, по нашему крайнему разумению и убеждению желательно, полезно и возможно было бы указание или предварительное избрание такого лица представить местному магометанскому духовенству и тем из ученых магометан,

которые вполне знакомы с правилами своей религии, так как им ближе известны лица, способные и достойные занять должность муфтия».

4. Оставить без изменения за духовенством право решать дела о заключении и расторжении браков по шариату, не подчиняя общим гражданским законам (реакция на проект Гражданского уложения, в котором дела о расторжении браков магометан планировалось подчинить ведению гражданского суда. – *И.З.*).

5. Освободить мулл от обязательного изучения русской грамоты. («При выдаче указов муллам главное внимание обращается на то, чтобы кандидат на должность муллы имел надлежащее удостоверение о знании русской грамоты, испытанию же в познании духовных наук придается второстепенное значение, каковое положение мы находим ненормальным», – отмечали просители) [7. С. 1–2].

В целом, если рассматривать приходское мусульманское духовенство в качестве корпоративной группы, в период петиционного движения 1905 г. ее общественная активность развивалась по нарастающей, становясь все более многогранной.

Прежде всего, в родном приходе/поселении они принимали участие в организации подачи петиции. Некоторые участвовали в организации собраний мусульман окрестных селений, прибывших на базары и ярмарки, на которых обсуждались проблемы, принимались тексты петиций или распространялись образцовые тексты прошений. В ряде случаев при подаче петиции они становились уполномоченными местного или соседнего общества. В соседних губерниях в составе депутатий, а в нескольких случаях сами выезжали в Санкт-Петербург для передачи в руки сановников прошений единоверцев¹.

В мае и июне 1905 г. новым явлением в социальном поведении представителей приходского духовенства стала подача прошений от своего имени.

В этом отношении представляет большой интерес коллективное прошение духовных лиц Мензелинского уезда Уфимской губернии. Не позднее 6 июня 1905 г. в канцелярию председателя Комитета министров поступило коллективное прошение 81 муллы Мензелинского уезда без указания даты («июня ... дня»). Из числа подписавших петицию имама только один – имам дер. Кузеево Башинды-Останковской волости Мухамедрахим Ахмадеев – расписался порусски, остальные подписались по-татарски, каждый указав свое имя и фамилию, духовное звание, как правило, название волости и поселения, где несет духовную службу.

В списке подписавшихся каждая строка имеет порядковый номер. Волостей не указали 4 духовных лица. Их населенные пункты не удалось выявить по Мензелинскому уезду. Очевидно, эти лица так поступили преднамеренно, чтобы не противоречить заглавию петиции: «нижеподписавшихся указных мулл и имамов Мензелинского уезда Уфимской губернии прошение». Также имеют место случаи неуказания названия населенного пункта, в мечети которого служит духовное лицо, и своего духовного звания.

Судя по подписям, Мухамедрахим Ахмадеев являлся одним из организаторов или главным исполнителем поручений организаторов совещания духовенства. Последним петицию подписал ахун из д. Тлянчи-Тамак Кузкеевской вол. Габделжаббар Забир углы. Как будет далее рассмотрено, именно духовные

¹ Подробнее см. в монографии: *Загидуллин И.К.* Национальное движение мусульман Волго-Уральского региона в начальный период революции 1905–1907 гг. Казань, 2019. С. 123–127.

лица Кузкеевской волости принимали самое активное участие в подписании прошения.

Собрание восьми десятков мулл в начальный период первой русской революции, когда российское общество ожидало позитивные перемены в жизни, представляется возможным событием. В то же время нами не исключается возможность набора организаторами новых подписей коллег после совещания с целью придания большего общественного веса тексту. Следует отметить, что организаторы достигли своей цели. На первой странице прошения имеется надпись столичного чиновника: «Представить г. Председателю Комитета Министров» [7. С. 349]. Значит с текстом ознакомился сам С.Ю. Витте; надо полагать, прошение представителей корпорации имамов позволило российскому государственному деятелю сформировать определенное представление о «мусульманском вопросе» в округе ОмДС.

Петицию подписали более 30 духовных лиц Кузкеевской, более 10 человек Ахметевской, Башинды-Остановской и Нуркеевской волостей. Также значатся 5 человек из Языковской, 2 человека из Сухаревской волости, по одному духовному лицу из Афанасовской и Бетькинской волостей.

Высокая активность духовенства Кузкеевской волости выразилась в массовом участии в мероприятии духовенства ряда селений: по 3 человека – из четырех деревень, по 2 человека – из восьми населенных пунктов и т.д. Можно сказать, что духовные лица этих селений приняли участие в меджлисе в полном составе.

Текст петиции напечатан на пишущей машинке, что предполагает два варианта ее составления: или она была подготовлена заранее и подписана после обсуждения, или же составлена по итогам обсуждения, затем напечатана и подписана участниками собрания.

В тексте петиции чувствуется влияние манифеста от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», о чем имеется в преамбуле прошения специальное указание.

Полагаем, что текст составило лицо, еще не до конца овладевшее тонкостями российской делопроизводственной традиции. В частности, в петиции отсутствуют слова, выражающие глубокое уважение председателю Комитета министров. Также отсутствует традиционная клаузула со словами выражения надежды на разрешение вопроса.

Каждая просьба имеет порядковый номер и составлена тезисно, как пункт резолюции собрания.

В списке своих корпоративных интересов первым пунктом ходатайствующие написали изъятие духовных лиц из податного, непривилегированного состояния: «Указанные муллы и имамы не должны подлежать за свои проступки ведомству земских начальников и волостных судов», а также освобождение от воинской повинности и призыва в ратники ополчения во время выполнения обязанностей имама.

Поскольку российское общество состояло из различных сословий, возникал закономерный вопрос о новом юридическом статусе мусульманских духовных лиц. Данный вопрос успешно решался благодаря сложившейся в российском законодательстве практике перевода отдельных категорий населения за заслуги в сословие личного почетного гражданина или потомственного почетного гражданина, которое представляло в отечественной иерархии прослойку между непривилегированными слоями и дворянством. Муллы оценивали свою религиозно-проповедческую и социальную работу с населением как

«полезную деятельность» во благо Российского государства. Ими рекомендовалось присваивать имамам за безупречную службу в продолжении 10 лет звание личного почетного гражданина, за 20-летнюю службу – звание потомственного почетного гражданина, а для духовенства старшего поколения при отставке по болезни или другим причинам – сохранение прав мулл как награду за 20-летнюю безупречную службу [7. С. 349]. Здесь муллы воспользовались законом от 9 июля 1892 г., согласно которому награждение званием личного почетного гражданина могло быть испрашиваемо представителями всех сословий за оказанную ими «полезную деятельность», продолжавшуюся не менее 10 лет. Звание потомственного почетного гражданина испрашивалось лицам, состоявшим не менее 10 лет в звании личного почетного гражданина [5. С. 519].

Следующим важным моментом в списке корпоративных интересов было прописано уравнение прав мулл в государственных и земских делах с духовенством других конфессий в Российской империи, с тем чтобы имамы имели возможность выбирать из своей среды, когда потребуется, представителей в собрания народных представителей в земские учреждения. Получается, что организаторы составления петиции были знакомы с содержанием обращения императора к министру внутренних дел А.Г. Булыгину от 18 февраля 1905 г. с сообщением о своем намерении привлечь «достоинейших доверием народа обласанных, избранных населением людей к участию в предварительной разработке и обсуждению законодательных предложений». Булыгину было предложено созвать Особое совещание для обсуждения путей реализации своей инициативы [2. С. 30–31].

Большинство пунктов коллективного прошения касалось вопросов расширения религиозно-культурной автономии мусульман округа ОМДС и повышения статуса его институтов. Приведем часть из них: сосредоточение в ОМДС, помимо имеющихся полномочий, исключительных компетенций, таких как выдача разрешения на постройку мечетей и медресе, на печатание Корана и религиозной литературы (эти просьбы повторялись в большинстве прошений мусульман округа ОМДС), а также оформление отпусков муллам по болезням и другим причинам (без участия губернского правления). В этом перечне следует признать новшеством просьбу об освобождении от воинской повинности преподавателей и учителей мектебов и медресе в период состояния на службе.

Другую группу обозначенных духовенством вопросов можно охарактеризовать как чрезвычайные меры: привлечение административно-полицейского ресурса для сохранения особого традиционного (конфессионального) уклада мусульман в православном Российском государстве.

Как правило, сельские муллы противились открытию заведения по продаже спиртных напитков. В крупных мусульманских селениях, где располагалось волостное правление или проходили еженедельные базары округа, их старания очень часто оказывались тщетными. Торговцы спиртными напитками, привлекая административный ресурс и подкупая нужных людей, добивались своего. В результате муллы, будучи блюстителями нравственности, оказывались заложниками ситуации, когда употребление спиртных напитков и пьянство отдельных жителей становились новой реальностью мусульманского общества. Именно по этой причине муллы хотели ввести в российское законодательство положение о запрещении открывать винные лавки, трактиры и портерные лавки в мусульманских деревнях, если даже эти поселения являются торговыми местами. Вторая просьба, вероятно, является продолжением

первой: в случае безрезультативности увещевания муллой прихожанина они просили предоставления права на обращение к местным властям за содействием для наложения на таких лиц известного наказания.

Лишь один из пунктов коллективного ходатайства имеет отношение к общегражданским правам мусульман. Муллы просили о выделении средств земствами на нужды мектебов и медресе из сумм, собираемых с каждой деревни на нужды образования. Рекомендовалось передавать эти суммы законоучителям мусульманских школ, т.е. муллам [7. С. 349–349об.].

В целом, прошение духовенства выделяется от петиций сельских обществ несколькими важными моментами.

Прежде всего, в юридическом плане интегрированным в действующее законодательство представляется механизм перевода мулл из крестьянского сословия в привилегированное.

Второй отличительной чертой следует признать отсутствие в петиции часто повторяющейся в большинстве прошений сельских обществ просьбы об отмене русского образовательного ценза для кандидатов на духовные должности. Видимо, за истекший период (с 1891 г.) эта группа духовенства Мензелинского уезда смирилась с законом о русском образовательном цензе, осознала полезность знания государственного языка и отсутствие от него опасности для ослабления ислама.

Большим новшеством представляется просьба о перераспределении земствами части собираемых с мусульман налогов на нужды исламского образования, тогда как нередко духовенство противодействовало получению выделенных средств. Только в 1908 г. Духовное собрание постановило, что шариатом не запрещено использование субсидий земств для строительства и поддержания конфессиональных школ [3. С. 108]. Этот момент частично можно объяснить также конфессиональным составом жителей Мензелинского уезда, где мусульмане составляли более половины населения, а выделяемая земством сумма на нужды русских училищ и русско-мусульманских школ была значительной.

Вследствие подачи петиции после публикации закона от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» для ходатайствующих стал неактуальным вопрос об официальном причислении крещеных татар, тайно исповедующих ислам, к мусульманам.

В список исходящих от духовных лиц прошений также следует включить «докладную записку» «магометан Мензелинского уезда Уфимской губернии» (без даты), поступившую в канцелярию Комитета министров 11 мая 1905 г. и подписанную по-русски имамами Галиуллой Идиятуллиним Крымовым и Хафизетдином Биктимировым.

В преамбуле «докладной записки» составление муллами текста «о некоторых изменениях и дополнениях существующих законоположений о магометанах» представлено как отклик на призыв царя к верноподданным, изложенный в указе от 12 декабря 1904 г., ввиду предстоящего «пересмотра законов об инородцах... повергнуть к стопам его императорского величества вместе с выражением нашей верноподданнической благодарности за непрестанные заботы о нас и наше ходатайство о некоторых изменениях и дополнениях существующих законоположений о магометанах» [7. С. 351].

По содержанию и тематике просьбы сельского духовенства структурируются по трем группам: корпоративно-профессиональные интересы, которые

являются составной частью проблемы укрепления религиозно-культурной автономии под руководством ОМДС и повышения статуса его институтов, и вопросы гражданского равноправия.

И в данном случае текст мулл по вопросам укрепления религиозно-культурной автономии под руководством ОМДС в значительной степени совпадает с большинством прошений, исходящих от сельских обществ. Отличие заключается в том, что просители постарались комплексно изложить свое видение предстоящих преобразований в этой области. Причем некоторые из указанных моментов уже находятся в компетенции ОМДС. Видимо, при выстраивании своей концепции муллы рассматривали себя как составителей готового материала для «пересмотра законов» о мусульманах.

По мнению авторов «докладной записки», религиозно-культурная автономия (такого термина в прошении нет, однако речь идет именно об этом. – *И.З.*) мусульман должна быть подлинно автономной, самодостаточной и завершенной, непременно с выборным началом на определенный срок руководителей: муфтия и членов Духовного собрания, под ведомством которого должны были состоять практически все вопросы, имеющие отношение к организации религиозно-обрядовой, семейной и духовной жизни мусульман, а именно:

- подчинение духовных лиц, с правом устранения от должности, «в случае нарушения ими своих обязанностей, предосудительного поведения или плохого и дерзкого обращения с прихожанами»;

- рассмотрение в качестве последней инстанции всех семейно-брачных и наследственных дел;

- обсуждение, изъяв из ведения общей цензуры, религиозных вопросов и текстов;

- разрешение строительства мечетей и открытия мектебов и медресе;

- изъятие мектебов и медресе «из ведения инспекторов народных училищ, как лиц совершенно неосведомленных ни в деле магометанского преподавания, ни в языке, ни в магометанских законах»; передача в ведение ОМДС конфессиональных школ и вопросов назначения в них учителей;

- устранение обязательности требования от кандидатов в муллы знания русского языка и грамоты («достойные, посвятившие всю свою молодость на изучение Корана и шариата, лишены возможности занимать эти должности»; «от лиц других инославных исповеданий обязательного знания русского языка не требуется» (второй аргумент не соответствует действительности. – *И.З.*));

- преподавание в мусульманских школах на родном языке учащихся;

- уравнивание мусульманского духовенства в сословных правах с духовенством православным, в том числе в отношении отбывания воинской повинности (т.е. предоставление льготы. – *И.З.*) и суда (т.е. изъятие из непривилегированного сословия. – *И.З.*);

- перенесение в мусульманских селениях, где есть мечети, базарных дней с пятницы на другой день недели, «так как мусульмане, привлекаемые базарами, в этот-то именно день и отвлекаются от исполнения своих религиозных обязанностей», что имеет религиозное и политическое значение: «в пятницу, день по нашему закону долженствующий преимущественно быть посвященным молитве и богоугодным делам, день, в который обязательно служится молебен о здравии государя императора и всего царствующего дома, вследствие назначения в этот день по городам и селам базаров, не читится так, как того требует наш закон»;

– воздержание от винной торговли в селениях, населенных одними мусульманами. (Запрет на винную торговлю объясняли нравственным и социальным аспектами проблемы: «С открытием коей мусульмане сильно развращаются и разматывают без того небольшое свое имущество и плохо уплачивают повинности».)

В группу просьб о предоставлении мусульманам общегражданских прав нами отнесены следующие положения «докладной записки»:

– выделять земский сбор, собранный от татар, на нужды образования татар, выдавать эти средства особо уполномоченным лицам из мусульман уезда «для распределения этих сумм по существующим школам, содержимым на счет населения»;

– предоставить мусульманам одинаковую с другими народностями государства «свободу печатного слова» с тем, чтобы прекратить разные слухи, беспокоящие умы и волнующие население;

– вводить преподавание мусульманского закона на родном языке в русских учебных заведениях, где процент учащихся мусульман достигает пяти; надзор за воспитанием и преподаванием в мусульманских общеобразовательных или профессиональных школах должен быть предоставлен образованным мусульманам;

– предоставить военным-мусульманам возможность питаться «незапрещенной пищей» и по возможности совершать намазы; исполнение духовных треб в войсках возложить на компетентного в вопросах религии нижнего чина;

– допустить с правом голоса лицо, выбранное единоверцами, в комиссии (очевидно, речь идет об Особом совещании по делам веры под председательством графа А.П. Игнатьева. – *И.З.*), где будут обсуждаться проблемы мусульман [7. С. 351об.–353].

В конце своей «докладной записки» имамы сочли необходимым актуализировать политический аспект затрагиваемых ими вопросов: «Удовлетворение всех этих наших ходатайств, касающихся чисто религиозной стороны нашего быта, не подрывает ни престижа власти, ни подчинения общерусским законам, а, напротив, дает возможность мусульманину стать полноправным гражданином России, оставаясь в то же время верноподданным его императорского величества государя императора, благословляющим его за то, что он гражданин, а не ограниченный в правах [человек] только за то, что он родился магометанином и желает оставаться верным вере своих родителей» [7. С. 353].

Выводы. Резюмируя, следует отметить, что в концептуальном плане прошения муллы Мензелинского уезда Уфимской губернии были направлены на расширение религиозно-культурной автономии мусульманского сообщества округа ОМДС, и в этом плане их просьбы перекликаются с большинством прошений.

Характерной чертой обоих прошений является презентация корпоративных интересов в качестве «нужд» всего мусульманского сообщества. О повышении собственного юридического статуса просители рассуждали, рассматривая в качестве ориентира правовое положение сословия православного духовенства. Повторяющуюся во многих прошениях сельских обществ просьбу об освобождении муллы от воинской повинности они дополнили пунктами о превращении духовенства в привилегированное сословие со статусом личного или потомственного почетного гражданина.

Необходимость повышения статуса исламских институтов и сохранения незыблемости основ религиозно-культурной автономии мотивировали муллы-традиционалистов к участию в петиционной кампании. В этом плане петиция

81 духовного лица также дает богатый материал для размышлений об общественном сознании мулл-кадимистов. Не вызывает сомнения, что лица, подписавшие петицию по-татарски, являлись выпускниками кадимистских медресе, тем не менее они посчитали неактуальным включение в коллективное прошение пункт об отмене русского образовательного ценза для кандидатов на духовные должности. Более того, поставили несколько задач, характерных для модернистов: высказали пожелание участвовать в решении государственных и местных вопросов в качестве избранных представителей духовной корпорации, ходатайствовали о законодательном закреплении получения от земств средств на нужды конфессиональных школ.

Второе прошение, составленное двумя муллами, можно охарактеризовать как содержащее просьбы и модернистов, и традиционалистов.

Эти два документа, исходящие от приходских духовных лиц, подтверждают доминирование факторов объединения над факторами внутреннего расхождения мусульманских общин, о чем писал Стефан Дюдуаьон [1. С. 60]. Такой мотивацией для традиционалистов и джадидистов являлись назревшая необходимость укрепления религиозно-культурной автономии мусульман и возможность повышения собственного юридико-правового статуса.

Следующим общим моментом прошений следует назвать «комплексный подход» – восприятие приходского духовенства, ОМДС и оренбургского муфтия как частей единого организма, института. Духовенство видело себя важным звеном религиозно-административной системы во главе с ОМДС и настаивало на сосредоточении всех духовно-религиозных вопросов, в том числе мектебов и медресе, в его компетенции. Такой подход обеспечивал сохранение действующей модели взаимоотношений – автономности приходского духовенства: в условиях отсутствия среднего звена контроля в регионах ОМДС объективно не могло отслеживать деятельность дисперсно расселенного приходского духовенства за исключением случаев, когда на одного из них не поступала жалоба, которая становилась поводом обращения внимания Духовного собрания на обвиняемое лицо.

Не ограничиваясь выражением корпоративных интересов, муллы выступали также в качестве общественных деятелей и ставили перед правительством местные и общемиллетские нужды. Ставилась задача учитывать разнообразие цивилизационного поля империи. Просьба о недопущении в мусульманских селениях продажи спиртных напитков свидетельствовала о низкой эффективности практики увещевания муллами своих прихожан.

Литература и источники

1. Дюдуаьон С.А. Кадимизм: элементы социологии мусульманского традиционализма в татарском мире и в Мавераннахре (конец XVIII – нач. XX в.) // Ислам в татарском мире: история и современность: материалы Междунар. симпозиума, Казань, 29 апреля – 1 мая 1996 г. / ред. Р. Хакимов. Казань, 1997. С. 57–69.

2. Законодательные акты переходного времени. 1904–1906 гг. Сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного указателя. 2-е изд. / под ред. Н.И. Лазаревского. СПб., 1907. 733 с.

3. Наганаева Н. Формирование мусульманского сообщества через царскую администрацию: махалля под юрисдикцией Оренбургского магометанского духовного собрания после 1905 года // Татарские мусульманские приходы Российской империи: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Казань, 27–28 сентября 2005 г. / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань, 2006. С. 101–128.

4. О веротерпимости. Закон 17 апреля 1905 г. М., 1905. 48 с.

5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е: в 33 т. СПб., 1895. Т. 12. 734 с.

6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е: в 33 т. СПб., 1905. Т. 25, ч. 1. 966 с.

7. Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 10. Д. 31.

ЗАГИДУЛЛИН ИЛЬДУС КОТДУСОВИЧ – доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, Россия, Казань (zagik63@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0501-2177>).

Ildus K. ZAGIDULLIN

PUBLIC CONSCIOUSNESS OF MUSLIM CLERICS OF MENZELINSKY UYEZD OF UFA GOVERNORATE IN THE EARLY XX CENTURY (BASED ON THE MATERIALS OF PETITIONS DATED 1905)

Key words: *Menzelinsky uyezd, the First Russian Revolution, the petition campaign of 1905, Muslim clerics, religious rights, civil rights of the Muslims, corporate interests.*

The relevance of studying public consciousness and social activity of the Tatar Muslim clerics in the early XX century is due to the growing interest in the problems of social administration of the modern clergy generation as a special synthesis of social activity forms of religious institutions.

The purpose of the research is to study the public consciousness of the Tatar Muslim parish clergy of Menzelinsky uyezd of Ufa governorate based on the texts of petitions.

Materials and methods. *The methodological basis for studying the subject is made by the principles of historicism and the method of source study synthesis. Based on the analysis of published and archival sources, as well as available literature on the stated topic, the article reflects the social behavior and collective opinion of the Tatar Muslim parish clergy about their own needs and topical local and social problems of the Muslims of the early XX century.*

The source base of the research is published sources – legislative acts of the Russian state dated the end of 1904 – the first half of 1905 and archival sources – petitions of the Muslims of Menzelinsky uyezd of Ufa governorate. The scientific novelty of the research lies in the use of the texts of petitions emanating from rural societies and the Tatar Muslim clerics to characterize public consciousness of this corporate group of the Tatar population in the early XX century.

Research results. *The article gives prominence to the legislative acts of the Russian state that influenced the public mood of the Tatar parish clergy, two stages in their social behavior are established: March – June 1905 – participation in the organization of submitting petitions according to an exemplary text (a brief description of various forms of social activity is given); the end of April and May 1905 – the period of compiling their own collective petitions by mullahs. The article examines two petitions of rural Muslim clerics of Menzelinsky uyezd of Ufa governorate, drawn up in May and June 1905. The composition and settlement of 81 participants of the clergy meeting are analyzed, as a result of which the second of these petitions was signed. According to the content and subject matter, the requests of the rural clergy are structured into three groups: corporate and estate interests, raising the status of religious and cultural autonomy institutions under the leadership of Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly, and issues of civil equality. A characteristic feature of both petitions is presenting corporate interests as the "needs" of the entire Muslim community. The petitioners discussed raising their own legal status, considering the class privileges of the Orthodox clergy as a guideline.*

Conclusions. *The petitions of the mullahs of Menzelinsky uyezd of Ufa governorate were aimed at expanding the religious and cultural autonomy of the Muslim community of the Volga-Ural region and Western Siberia, and in this regard their requests echo the majority of petitions drawn up by co-religionists of other governorates and regions. The petitions confirm the dominance of unification factors over the factors of internal stratification of the traditionalist mullahs and the Dzhadidist mullahs. Such motivation for them was an urgent need to strengthen the religious and cultural autonomy of the Muslims and the opportunity to improve their own legal status. The next common point in the petitions should be called an "integrated approach" – perception of the parish clergy, Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly and Orenburg Mufti as parts of a single organism, institution. The clergy saw themselves as an important link in the religious and administrative system headed by the Spiritual Assembly and insisted on concentrating all spiritual and religious issues, including maktab and madrasahs, in its competence. Not limited to corporate interests, the mullahs also posed local and global problems to the government.*

References

1. Dyudian'on S. A. *Kadimizm: elementy sociologii musul'manskogo tradicionalizma v tatarskom mire i v Maverannahre (konec XVIII – nach. XX v.)*. In: *Islam v tatarskom mire: istoriya i sovremennost': materialy Mezhdunar. simpoziuma, Kazan', 29 aprelya – 1 maya 1996 g.* [Kadimism: Elements of Sociology of Muslim Traditionalism in the Tatar World and in Transoxiana (Late XVIII – Early XX Centuries)]. Kazan, 1997, pp. 57-69.
2. *Zakonodatel'nye akty perekhodnogo vremeni. 1904 – 1906 gg. Sbornik zakonov, manifestov, ukazov Pr. Senatu, reskriptov i polozhenij Komiteta ministrov, odnosyashchihysya k preobrazovaniyu gosudarstvennogo stroya Rossii, s prilozheniem alfavitnogo ukazatelya. Izd. 2-e* [Legislative acts of the transitional period. 1904–1906. Collection of laws, manifestos, decrees of the Prgovernment. Senate, rescripts and regulations of the Committee of Ministers relating to the transformation of the state system of Russia, with an alphabetical index attached. 2nd ed.]. St. Peterburg, 1907, 733 p.
3. Naganava N. *Formirovanie musul'manskogo soobshchestva cherez carskuyu administraciyu: mahallya pod yurisdikciei Orenburgskogo magometanskogo duhovnogo sobraniya posle 1905 goda* [Naganawa Norihiro. Formation of the Muslim Community through the Tsarist Administration: Mahalla under the Jurisdiction of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly after 1905]. In: *Tatarskie musul'manskije prihody Rossijskoj imperii: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. Kazan', 27–28 sentyabrya 2005 g.* [Proc. of Russ. Sci. Conf. «Tatar Muslim parishes of the Russian Empire»]. Kazan, 2006, pp. 101–128.
4. *O veroterpimosti. Zakon 17 aprelya 1905 g.* [On religious tolerance. Law of April 17, 1905]. St. Peterburg, 1905, 48 p.
5. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 3-e: v 33 t.* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 3: 33 vols.]. St. Peterburg, 1895, vol. 12, 734 p.
6. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 3-e: v 33 t.* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 3: 33 vols.]. St. Peterburg, 1905, vol. 25, part 1, 966 p.
7. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arhiv. F. 821. Op. 10. D. 31* [Russian State Historical Archives. Archive 821. Anagraph 10. Document 31].

ILDUS K. ZAGIDULLIN – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Russia, Kazan (zagik63@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0501-2177>).

Формат цитирования: Загидуллин И.К. Общественное сознание мусульманских духовных лиц Мензелинского уезда Уфимской губернии в начале XX века (по материалам прошений 1905 года) // Исторический поиск / Historical Search. 2024. Т. 5, № 3. С. 69–81. DOI: 10.47026/2712-9454-2024-5-3-69-81.